

ЮРИЙ
БУРНОСОВ

ЧЕРТА
И
ЗНАКИ

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА

Числа и знаки

Юрий Бурносов

Четыре всадника

«Автор»

Бурносов Ю. Н.

Четыре всадника / Ю. Н. Бурносов — «Автор», — (Числа и знаки)

Исполнилось пророчество о трех розах, и стон и плач наполнили столицу. Погасло солнце, и опустились на город вечные сумерки. Из подземных глубин устремилась на поверхность всякая нечисть. Мертвые покинули могилы свои, и вслед за мертвецами пришла чума. Хаиме Бофранк идет путем, предназначенным ему свыше. Вместе с товарищами, которых позвала в столицу зловещая тайна двух квадратов, он отправляется туда, где скрывается Люциус, и никто не знает, удастся ли четверем всадникам вернуться из этого путешествия живым...

© Бурносов Ю. Н.

© Автор

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ,	6
ГЛАВА ВТОРАЯ,	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	14
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	18
ГЛАВА ПЯТАЯ,	22
ГЛАВА ШЕСТАЯ,	25
ГЛАВА СЕДЬМАЯ,	29
ГЛАВА ВОСЬМАЯ,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Бурносов

Четыре всадника

*Так, обманутые ложными явлениями, они, проснувшись, верят,
что подобные вещи действительно произошли с ними.*

Ульрих Молитор «De Lamiis»

*Дело твое обращено в ничто, слово твое запрещено,
Твой казначей крадет твои небесные богатства,
Твои слуги грабят и убивают, и хищный волк стережет твое
стадо.*

Вальтер фон дер Фогельвейде

*Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и
нечистот мира, он прикован к худшей, самой тленной и испорченной
части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания,
наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего
из трех видов, и однако же, он мнит себя стоящим выше луны и
попирающим небо.*

Монтень «Опыты»

* * *

Любое действие в природе
Совершено не по свободе,
Но господу подчинено
Все, что господь влагает щедро
В обильные земные недра,
Добычей смерти стать должно.

Реми Белло

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*из которой мы не узнаем ничего нового о
судьбе Хаиме Бофранка, однако ж счастливо
обнаруживаем одного из его утраченных спутников,
а также узнаем кое что о каменных карликах*

Что видим мы пред собою?

А видим мы морской берег.

Видим мы дорогу, которая вьется вдоль побережья, то приближаясь почти вплотную к линии прибоя, то убегая от нее прочь и теряясь в зубчатых изломах скал.

Видим мы двух осликов, они ничуть не торопятся, влача нагруженную повозку; не выказывает торопливости и возница, старенький священник в дорожном платье, соизволенном специальным на то распоряжением, – длиннополом шерстяном сюртуке и широких штанах, и то и другое черного цвета. Обыкновенно таковым платьем пользовались лишь деревенские священники да их собратья из весьма удаленных мест, которым приходилось часто путешествовать подобным обычаем, а то и верхом; в больших же уютных каретах с мягкой подвескою, бархатными креслами и диванами ездили в обычном одеянии, не боясь измять его либо испачкать в дорожных суетах.

– Но еще более примечательна история, которую рассказал мне покойный фрате Герох, – продолжал священник повествование, начатое, видимо, уже довольно давно. Голос священника был тонок, но выразителен – в отличие от иных клириков, что громкостью перекрывают колокольный звон, ан бубнят все подряд безо всякой красоты и расстановки. – Однажды сей достойный муж пошел по надобностям хозяйственным в сарай, где и увидел дьявола. Нечистый сидел на козлах, что служат для распилки дров, и вертел в гадких своих лапах конский хомут с видом столь серьезным, что не напустит на себя и иной знатный конюший. Ничуть не убоившись, фрате Герох спросил: «Что ты делаешь тут? Или у тебя есть конь, а сбруи не водится?» Нечистый на то отвечал: «Коня у меня нет, да коли в нем будет нужда, и ты моим конем станешь!» И, сказавши так, прыгнул прямо на спину фрате Героху и начал понукать его, словно тот и в самом деле конь.

– Прошу простить меня, фрате, но я вроде бы слышал уже эту историю. Правда, речь там шла отнюдь не о священнике, а о школяре, коего точно так же взнуздала старая ведьма и скакала на нем всю ночь, пока едва не загнала, – вступил в беседу один из сидевших в повозке.

Надобно сказать, наверное, что сидело их там помимо возницы двое один – лет солидных, лицом толст и красен, по всему мелкий торговец, что промышляют в этих краях рыбою, солью, шкурами, шерстью и поделочным камнем, а второй – совсем еще юноша, в одежде простой, но выправкою и статью весьма изрядный. Он-то и прервал повествование священника, ничуть того, впрочем, не смутив:

– Ежели вы, юный хире, послушаете мою историю далее, – продолжил священник, нисколько не обидевшись, – то обнаружите, что она совсем иная. Так вот, дьявол прыгнул прямо на спину фрате Героху и начал понукать его, словно тот и в самом деле конь, но не тут-то было! Достойный фрате Герох на память прочел заклинание от нечистого, что записано в «Снисхождениях» святого Гиляма, и надо бы видеть, как дьявола скрутило! Он сей же час пал на пол и принялся кататься по нему, начал визжать, царапать себе когтями грудь, живот и промежность, мочиться и испражняться (причем из заднепроходного отверстия его вкупе со зловонным калом сыпались раскаленные уголья), громко портить воздух – да так, что фрате Герох выскочил наружу, зажавши нос, и лишь в оконце наблюдал, как нечистого хватают корчи.

Так продолжалось довольно долго, после чего дьявол возопил особенно громко и рассеялся облаком мельчайшего праха. Что же до фрате Героха, то он тотчас отписал епископу, а оскверненные козлы и хомут сжег тут же во дворе с молитвами.

– А отчего он умер? – спросил толстяк без особенного интереса.

– Кто, дьявол?

– Да нет, благочестивый фрате Герох.

– Ах, с ним стряслось несчастье. Фрате Герох прошлой весной переходил брод – знаете, что неподалеку от Бюксвее, – запутался ненароком в сутане и утоп. Его выудили намного ниже по реке спустя несколько дней, так что тело уже успели безобразно объесть рыбы и раки.

После известия столь печального никто ничего сказать не нашелся, потому ехали дальше в молчании. Когда повозка миновала особенно крутой подъем, юноша спросил, взглядываясь в горизонт:

– Не кажется ли вам, фрате Стее, что солнце садится как-то необычайно быстро?

– Сие всего лишь наваждение, созданное морской водою и воздухом, насыщенным водяными парами, – важно ответил священник, проявив неожиданное знание естественных наук. Впрочем, именно такие священнослужители – из обитавших в глуши, зачастую преуспевали, помимо служения господу, еще и в науках; примеров сему достаточно, хотя есть среди них и те, что без особенного ума читают все подряд, а ведь, как известно:

Когда сидят бездумно день-деньской
За книгой, то походят на обжору,
Который все съедает без разбору,
А пользы для желудка никакой.

– Нет, в самом деле, – согласился с юношей толстяк. – Мы рассчитывали добраться до Люддерзи засветло, а где ж оно еще, Люддерзи?

Никто не ответил; повозка так и ехала дальше, поскрипывая и слегка покачиваясь, покамест толстяк не разрушил молчание, в величайшем испуге возопив:

– Пресвятая девственница из Сколдарна, что это?!

– Что случилось? – встревожился священник, понукая осликов, кои, надобно сказать, ничуть не ускорили от сих понуканий шага.

– Я видел вон там, на скале, каменного карлика, – пробормотал толстяк в растерянности. – Он стоял и смотрел на меня, а после прыгнул и пропал, словно и не бывало его.

– Что еще за карлики? – удивился юноша и повернулся к священнику, ожидая объяснений.

– Говорят, они водятся в окрестных скалах, – с готовностью поведал фрате Стее, – и ростом примерно с кошку. Что делают и чем живут, никто не ведает, но слышал я, что у них свой король и двор, а может статься, и мир их вовсе иной, так что до людей им никакого дела нету.

– Как же! – воскликнул толстяк, пугливо озираясь. – Нету?! Заночуй человек в горах, особенно поблизости пещеры или иной какой дыры или расщелины, непременно его туда и утащат!

– Для чего же? – спросил юноша с любопытством.

– А кто их ведает! Может, себе в пропитание, а может, как сказывают, им нужны работники, чтобы делали, что самим карликам непосильно... А увидеть их днем – к большой беде.

– Однако ж теперь их вижу и я, – сказал в чрезвычайном изумлении старичок священник. Все трое обратили взоры к острому гребню скального обломка, покоившегося на обочине, со стороны моря; на самом верху его стояли подбоченясь два небольших – и верно, с кошку величиною – человечка в серых, будто сплошь запыленных одеждах.

Толстяк принялся молиться, а священник хлестнул осликов, но скорости это, как и в предыдущий раз, ничуть не прибавило. Один из карликов пискнул что-то другому, и оба премьерзко захихикали. В наступающих сумерках можно было различить их гадкие физиономии – острые, словно у хорьков, землистые, с куцыми бородами, лишь глазки поблескивали красным, словно капельки крови.

– Вот я вас! – прикрикнул священник и перетянул осликов хлыстом с особою силою, отчего те взбрыкнули и довольно резво бросились прочь от сего неприятного места. Впрочем, юноша успел увидеть, как карлики спрыгнули со скалы и пропали, словно их и не было.

– Как быстро темнеет, – сказал толстяк, прерывая молитву. – Скоро ли Люддерзи? Хоть убейте, ночевать на дороге я не стану, уж лучше пойду пешком, коли вы не торопитесь.

– Успокойтесь, хире, – промолвил юноша. – Уверю вас, мне тоже менее всего хочется оставаться на ночлег среди этих диких скал, тем паче после того, как мы увидели столь богомерзких созданий. Но полноте! Не причудились ли они нам? Не есть ли это также наваждение, созданное морской водою и воздухом, насыщенным водяными парами, как уже говорил нам фрате?

– Уж не знаю, какие там пары, – заявил толстяк, – но только я точно видел двух дрянных уродцев, притом так же отчетливо, как вижу ныне вас, и попробуйте только убедить меня в обратном!

Повозка удалилась от злосчастного места на изрядное расстояние, но священник продолжал нахлестывать осликов так, словно сам дьявол из истории о фрате Герохе гнался за ним по пятам.

Нет ничего удивительного в том, что в Люддерзи спутники прибыли гораздо ранее намеченного.

Это был портовый город, стоявший на берегу бухты, отгороженной для верности рукотворным волнорезом. Торговые пути проходили южнее, а вот рыбацких суденышек стояло у причалов предостаточно. На окрестности к тому времени уже окончательно пала тьма, и бухта украсилась огоньками ламп, которые засветили рыбаки.

На въезде дорогу повозке неожиданно преградила стража. То были не гарды и не солдаты, а простые горожане, числом шестеро, кто с дубиною, кто с багром, а кто и со старым мечом, доставшимся в наследство от дедов и прадедов, что грешили морским разбоем. Осветив факелами приезжих, начальник стражи, кривой усач в обтрепанной рыбацкой шляпе, спросил:

– Кто вы такие?

Священник неторопливо слез с повозки и представился:

– Меня звать фрате Стее, я священник из Орстедта, а сюда приехал по делам церкви навещать фрате Элинга. Коли не верите мне – спросите, он подтвердит. Со мною двое – почтенный хире Клеен, торговец шерстью и соленьями из Клеенхафны, а также юноша, которого я по доброте душевной взялся подвезти до вашего города, ибо вы знаете, как трудно бывает найти экипаж и спутников в наших краях. Но что случилось? Отчего на дороге выставлена стража?

– Каменные карлики, фрате, – изрек кривой, сжав пальцы на рукояти древнего меча. – Сам я лишь слышал байки о них, будучи еще мальчишкою, но старики говорили, что твари эти презлы и опасны. И вот сегодня утром карлики напали на жену мельника, что полоскала в горном ручье белье, а после – на двоих детей, что собирали хворост поблизости. И если женщина сумела убежать, то детей убили и обглодали так, что их мать лишилась рассудка, узрев мертвые тела. К тому ж темнеет ныне столь быстро – а почему, я и сам не знаю, – что многие всерьез заговорили о конце света:

– Мы тоже видели карликов по пути сюда, – сказал юноша, спрыгнув с повозки.

– Кто вы? – исполнился вдруг подозрительности кривой.

– Меня зовут Мальтус Фолькон, – с достоинством сказал юноша, – и я – чиновник Секуративной Палаты.

Дама, коль мой волос сед —
Все в морщинах ваше брюхо,
Коль я стар – вы развалюха,
Никому пощады нет.

Анри Бод

ГЛАВА ВТОРАЯ, *из которой мы снова ничего не узнаем о судьбе Хаиме Бофранка, но сие незнание восполняется появлением совершенно нового героя, и, признаться, презабавного*

Человек с тросточкою, который постучал рано утром в дверь дома, в коем проживал субкомиссар Хаиме Бофранк, был весьма стар годами. Было ему то ли семьдесят, то ли восемьдесят, а может, минуло и все девяносто, ибо разницы в сии преклонные лета, как ведомо, уже никакой нет – десяток туда или десяток сюда, поди угадай.

Седая борода, седые усы, седые, хотя и аккуратно завитые локоны, носатое лицо, на коем морщины и бородавки сочетались самым причудливым образом, вступали в некое противоречие с его щегольским обликом, с проворными – хотя кто-то, возможно, нашел бы их излишне короткими и самую малость кривоватыми – ножками, обутыми в кожаные наимодные башмаки о шести застёжках каждый, с унизанными кольцами ручками (одной рукой старичок сейчас с силою колотил в дверь), с чуть грузным, но довольно энергичным тельцем, упрятым в опрятный жилет розовых тонов.

Одним словом, старичок был чрезвычайный модник и достаточно шустр для своих лет. Вероятно, в обществе это был записной любезник и шалун, как бывает с подобными старичками; ныне же он был изрядно напуган и постоянно озирался по сторонам, словно бы ожидал какой напасти.

Наконец дверь приоткрылась, и хозяйка, прикрывая ладонью пламя свечи, спросила:

– Кто вы? Что так рано стучите?

– Полноте, милая хириэль, где же рано? – возразил суетливый старичок. – Уж давно утро!

– Утро? – поразилась хозяйка. – Вы, верно, шутите! Посмотрите, какая вокруг стоит темень!

– Однако верите вы мне или же нет, милая хириэль, а уж давным-давно утро, только вот солнце что-то никак не хочет появляться на небе... И если вам столь же жутко, как и мне, не впустите ли меня внутрь?

Хозяйка с некоторым сомнением посторонилась, пропуская неожиданного гостя. Когда дверь была закрыта на засов, старичок приободрился и принялся раскланиваться, говоря:

– Благодарю вас, милая хириэль... Меня зовут Базилиус Кнерц, принципиал-ритор в отставке, и я приехал из Гвальве, дабы встретиться с досточтимым хире Бофранком.

– Боюсь, хире Бофранка нету дома, – буркнула в ответ хозяйка, проверяя, хорошо ли лег засов в железное ушко. – Вот его комната, видите, заперта? Всю ночь шумели да топотали, а под утро – коли вы говорите, что уже утро, – ушли, даже входную дверь забыли притворить, хорошо, я заметила...

– Но не знаете ли вы, милая хириэль, куда мог пойти хире Бофранк?

– Откуда же мне знать, право. Хире Бофранк волен ходить, куда и когда ему вздумается.

– Тогда позвольте, я составлю небольшую промеморию, дабы вы, милая хириэль, передали ее хире Бофранку, как только он возвратится. Не найдется ли у вас пера и бумаги?

– Извольте, я сейчас все принесу, коли надобно, да зажгу, кстати, лампу.

Ворча что-то себе под нос, хозяйка удалилась, но скоро воротилась с масляною лампою, листом бумаги и пером, а также чернильницею. Старичок, уместив все это на небольшом коридорном столике, принялся писать, обнаружив в процессе письма, что чернильница использовалась крайне редко и стала могилою для изрядного числа бесславно почивших в ней мух, а

перо оказалось весьма дурно очинено. Отписав не без трудностей промеморию, он сложил ее вчетверо и с поклоном передал хозяйке, присовокупив при том:

– Буду вам весьма благодарен, милая хириэль. И вот вам предостережение: поберегитесь выходить без нужды на улицу, ибо кроме павшей столь внезапно тьмы там могут обретаться опасности куда более жуткого свойства.

Грозное предостережение вряд ли было столь уж необходимым: хозяйка и без того выглядела чрезвычайно напуганной. Кнерц двинулся было к выходу, но в этот момент в закрытой комнате Бофранка что-то с грохотом упало. Звук был такой, словно разбился глиняный кувшин, а черепки полетели и покатались во все стороны.

– Что же это? – вскричала хозяйка. – Стало быть, хире Бофранк внутри?! Когда ж он мог прийти?

Старичок Кнерц резво подбежал к двери, припал к ней ухом и прислушался, затем воззвал:

– Хире Бофранк! Хире Бофранк, это вы?

За дверью заскреблось, заколотилось, и бывшему принципиал-ритору показалось, что кто-то принялся глотать дверные доски.

– Не случилось ли с ним чего? – затряслась хозяйка в испуге. – Не разбил его паралич?

– Нет ли у хире Бофранка собаки? – в свою очередь спросил старичок.

– Упаси нас господь от этих тварей, – отмахнулась хозяйка. – Я бы не позволила держать в доме собаку: а ну как, не ровен час, она взбесится и всех перекусает? Еще от собак, говорят, случаются всякие хвори – от чумы до червей, которые проникают внутрь человека и постепенно пожирают его...

– Есть у вас ключ от этой комнаты, милая хириэль? – довольно невежливо прервал хозяйку старичок, продолжая прислушиваться к странным звукам.

– Да-да, конечно. Сейчас я принесу его. – Получив ключ, Кнерц вставил его в замочную скважину и осторожно повернул. С чуть слышным шелканьем замок открылся, дверь начала медленно отворяться.

Оттолкнув старичка, ужасная нежить рванулась из комнаты наружу и вцепилась в хозяйку, тшась прокусить плотные юбки. Сие был умерщвленный Шарденом Клааке бедняга Олец; искалеченный и изуродованный, передвигался он, подобно животному, на четвереньках и очень споро. Однако голова его была неестественно запрокинута назад, и это мешало мертвецу.

Зубы Ольца лязгали и скрежетали, словно шестерни в подъемном механизме наподобие тех, что используются в порту. Верно, иной человек перепугался бы до смерти ввиду такого богомерзкого зрелища и его, не исключено, даже хватил бы удар. Однако ж и храбрая женщина, и ее гость оказались не из трусливых.

– Я помогу вам! – отважно вскричал старичок Кнерц, выхватывая из своей тросточки таившееся там длинное узкое лезвие. Но хозяйка не стала ждать его помощи схватив горящую лампу, она обрушила ее на голову Ольца. Глиняный сосуд раскололся, масло тотчас разлилось, и мертвеца со всех сторон охватил огонь. Воя и стена, он, позабыв свои кровожадные намерения, принялся кататься по полу, царапая его пальцами, покамест не застыл у стены. Коридор наполнился отвратительным запахом горелой плоти, а Кнерц поспешил сорвать со стены портьеру и укрыть ею тело, с тем чтобы погасить пламя.

Увидев, что вырвавшееся из комнаты субкомиссара чудовище не подает более признаков жизни, храбрая женщина тотчас утратила всякие чувства. Старичок Кнерц противу обыкновенной галантности не торопился прийти ей на помощь; он несколько раз ткнул мертвеца клинком – не шевельнется ли тот. Мертвец лежал недвижно, бесформенной оплывшей грудой.

Лишь после предусмотрительный старичок извлек из кармана флакончик с нюхательной солью и сунул его под нос хозяйке.

– Ах! – вдохнула та, приходя в себя. – Что сие было? Неужто премерзкая собака?

– Ничего особенного, милая хириэль, попросту оживший мертвец, – сказал старичок без всякой учтивости. Он укрыв лезвие в тросточку и мрачно покачал головою.

– Оживший мертвец? Да что вы говорите?! Или такое бывает?!

– Отчего же нет? Если и была когда-нибудь на свете непреложно доказанная и подтвержденная история, то это – история оживших мертвецов. Свидетельствами тому официальные отчеты, рассказы высокопоставленных особ, медиков, священников, судей. Будет время, я поведаю вам не об одном жутком происшествии, где героями выступали как раз поднявшиеся из могил умуны.

– Но что же случилось, хире Кнерц, если оживший мертвец прятался в комнате хире Бофранка? Жив ли сам хире Бофранк, коли так? Да и не он ли сам это был?

Кнерц ахнул, чиркнув спичкою, зажег настольную свечу и кинулся к бездыханному телу. Поворотившись к хозяйке, которая все еще глядела с ужасом на покрытый портьерой труп, он приоткрыл лицо мертвеца и учтиво спросил:

– Посмотрите, прошу вас... не хире ли это Бофранк?

– Не приведи господь, – сказала хозяйка и с дурно скрываемым любопытством принялась рассматривать обгорелое лицо. – Нет, это не он. Кажется, это слуга хире Бофранка, вороватый человек по имени не то Ульц, не то Ольц... – спустя некоторое время сказала она.

– Что ж, надеюсь, с самим хире Бофранком все в порядке. Но не будете ли вы так любезны, милая хириэль, угостить меня легким завтраком? Я всю ночь провел в пути и потому чрезвычайно голоден и устал.

– Извольте, прошу вас... – закивала хозяйка. – Но что же делать с... ним?

Она указала на мертвеца, источавшего прегадкую вонь, в коей смешались запахи гари и тлена.

– Лучше всего ему полежать покамест здесь, – рассудительно заметил Кнерц. – И проверьте, пожалуйста, еще раз, хорошо ли заперта входная дверь... Я же, с вашего разрешения, хотел бы вначале умыться.

– Вы найдете все, что нужно, на кухне – она прямо по коридору, там горит светильник, – спохватилась хозяйка, и старичок тотчас удалился, постукивая тросточкою.

Женщина тем временем проверила засовы, после чего подошла к столику, где лежала записка к Бофранку, и, не удержавшись от искушения, торопливо прочла ее, и вот что там было:

«Хире Бофранк!

Возможно, мое имя ничего вам не скажет – а зовут меня Базилиус Кнерц, отставной принципиал-ритор, – но прибыл я к вам по просьбе ваших добрых друзей: покойного Фарне Фога и счастливо здравствующей хириэль, которую именовать здесь не стану.

Не знаю, буду ли я вам в помощь или же в обузу, но просьбу этих достойных людей я исполнил. К сожалению, мне не довелось застать вас дома; не без оснований полагая, что в связи с последними печальными и даже страшными событиями вы заняты чрезвычайно, я, однако ж, буду ждать вас, а коли не дождусь в самое ближайшее время, то буду находиться, сколькo нужно, в гостинице «Белая курица», надеясь, что я опоздал небезнадежно.

Сколько я понимаю, пророчество сбывается не столь скоро и точно, как ждали; не исключено, что причиною тому именно ваши деяния, я немного разбираюсь в сих вопросах и могу утверждать это с определенной долей уверенности.

Велено мне также передать, чтобы осторожны вы были со своим братом Тристаном, ибо он, вполне вероятно, суть не то, что вы о нем думаете.

Остальное надеюсь высказать вам лично при неременной встрече.
С почтением, Базилиус Кнерц, принципиал-ритор в отставке».

Как нетрудно догадаться, прочитанное ничуть не успокоило хозяйку, но даже напугало ее еще сильнее, ибо она вовсе ничего не поняла. Посему, рассудив, что дела хире Бофранка лучше ему и оставить, и поспешно убрав записку, она заторопилась на кухню, чтобы приготовить обещанный завтрак.

Мудрецы говорят,
Что есть в лесу дикий зверь,
Чья шкура черным-черна...

Абрахам Лямбипринк «Философский камень»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, *в которой утро все еще не наступает, а Хаиме Бофранк и его спутники обнаруживают вокруг себя мир, местами чрезвычайно похожий на прежний, ан совсем не тот*

Как мы помним, тьма, опустившаяся на город, вначале никого особенно не устрасила. Однако Бофранк и толкователь сновидений знали то, что обывателям было неведомо, и потому поспешали вперед – навстречу своей судьбе, ничуть не обращая внимания на день, темный как ночь, на бледные лица прохожих, на странную тишину, внезапно овладевшую предместьем.

Жеаль сыскать оказалось нетрудно и уговаривать его не пришлось:

– Мне теперь все одно. Если вы утверждаете, что укажете мне убийцу, дайте только одеться и взять оружие, – сказал он, очнувшись от скорбного бесчувствия.

Таким образом, к скотобойням отправились уже втроем – Бофранк при пистолете, шпаге и кинжале, Альгиус при кинжале и одолженном у Жеаль мушкете и Проктор Жеаль при двух пистолетах, движимый вперед едино только жаждой мести за убиенную невесту. Огнестрельное оружие представлялось более действенным против упыря, нежели клинки, к тому ж Бофранк имел некоторое представление о воздействии пуль на Шардена Клааке.

Дурным запахом тянуло со скотобоев, но никто не обращал на него внимания. Под сенью низких корявых деревьев, что примыкали к скотобойням с севера, оказалось совсем темно, и Жеаль возжег предусмотрительно взятый с собою факел.

– Не стоит углубляться в рощу, – заметил Альгиус. – Если место это верное, то и здесь Колокол сработает.

Он развернул свою ношу и, исполнившись решимости, качнул Колокол несколько раз. Произведенный звук напоминал удар пестика о донце ступки – глухой и быстро затухающий. Трижды ударив в колокол, Альгиус прошептал несколько длинных слов на абсолютно незнакомом Бофранку языке, но ничего не произошло.

– Что случилось? – спросил Жеаль. – Или Колокол не настоящий? Клааке обманул нас?!

– Колокол настоящий, и упырь не обманывал нас. Мы в междумирье, – торжественно сказал Альгиус, аккуратно завертывая колокол обратно в тряпье. – И не поможет нам даже господь, ибо здесь мы – чужие...

И деревья качнули своими суковатыми ветками, и земля дрогнула, и воздух словно пробрала зябь, когда Хаиме Бофранк понял, как далеко он от мира, взрастившего и воспитавшего его.

И стала тьма, тьма совершенная...

Угасший было факел Жеаль тут же возжег вновь, но толку с того оказалось чуть: словно колпаком, свет накрывал троицу забредших в сие страшное место путников, а за пределом светового круга тьма сделалась почти что нестерпимой.

– Тревожусь, напрасно не взяли мы с собой провизии, – обратился к спутникам Альгиус, единственный из всех выглядевший относительно спокойным. – Бог весть, сколько мы тут пробудем, а я не уверен, можно ли употреблять в пищу здешнюю снедь и воду.

– Снедь? – рассеянно откликнулся Бофранк. – Откуда же ей взяться здесь?

– Полагаю, место сие не мертво, – отвечал Альгиус. – При известной сноровке мы найдем и дичь, и источник, и, может статься, даже харчевню... только не могу я сказать, кто в той харчевне хозяин и что подают там на стол. Однако смотрите – мгла будто бы рассеивается!

В самом деле, только что казавшаяся сплошной и даже неестественно плотной тьма постепенно развоплощалась в обычные сумерки – сродни тем, что окутали покинутый город в покинутом мире.

– Что же нам делать? – спросил Жеаль, чья неизбывная печаль, казалось, отступила перед лицом неведомых опасностей.

– Искать Клааке, – сказал Бофранк.

– Где ж его искать?

– Не удивлюсь я нисколько, ежели и чертов упырь, и его хозяин сами найдут нас, как только проведут, что мы здесь, – проворчал толкователь сновидений, бережно убирая Колокол. – Не забывайте о другом: для нас это междумирье, а для кого-то – мир привычный и обитаемый. Мы здесь чужаки, все тут не по-нашему, так что и бояться надобно всего, даже того, что с виду вовсе не страшно. А уж непонятного бояться и подавно сам бог велел. Однако я вижу огонек – не пойти ли нам в ту сторону?

– Огонек? – изумился Бофранк и посмотрел в указываемом направлении, где и в самом деле сквозь тесно стоявшие деревья пробился слабый свет. – Что бы это мог быть за огонек?

– Что бы то ни было, а лучше идти туда, коли уж мы не знаем, в какую сторону направиться, – рассудил Альгиус. – Там хоть что-то есть... Вот и пойдем туда, где есть что-то, а туда, где нет ничего, покамест не пойдем. А уж коли там, где что-то есть, ничего путного не обнаружится, тогда вернемся туда, где с виду нет ничего. Ах, черт, как хорошо сказал! Верно, писать бы мне надо было ученые книги! Что ж, ежели вернусь невредим, напишу – и не одну! А вы, хире Бофранк, уж поспособствуйте, чтоб их издали и не сжигали, покамест торговцы не заплатят мне всех положенных денег.

Шутки Альгиуса субкомиссар счел не совсем уместными, но чего еще было ожидать от глумливого толкователя.

Впереди пошел Жеаль, и с ним никто не взялся спорить. Альгиус двигался вторым, ибо нес наиболее ценную вещь, что у них была с собою, – Деревянный Колокол.

Замыкал шествие Бофранк с пистолетом наготове, отягощенный премрачайшими мыслями. Выходило, что они ринулись в неведомое без пути и дороги, наудачу, и ничего вокруг не было такого, что стало бы вехой или указателем. Альгиус что-то знал и о чем-то, вполне возможно, молчал до поры, но что если Бофранку это только казалось? И каким будет мир субкомиссара, когда – и если – он вернется туда?

Да и будет ли он, этот мир? Вспомнив Ольца, подъедающего ножку стола, Бофранк передернулся.

– Осторожно! – воскликнул внезапно Проктор Жеаль, и тут же шедший впереди Бофранка Альгиус с шумом и треском исчез под землю.

Смятение, охватившее двоих оставшихся спутников, исчезло, когда откуда-то снизу послышалось знакомое брзжанье Собачьего Мастера:

– Верно сказал толстый Бьярни из Копперзее, хоть его потом и утопили: «Прежде чем ступить куда-либо, глянь, нет ли там дерьма, собачьего, человеческого или лошадиного, ибо ступать можно и в иные места, а смыть дерьмо с ноги порою очень трудно». Посвети же своим факелом, друг Жеаль, дабы я узрел, в какое дерьмо посчастливилось мне ступить на сей раз.

Судя по всему, толкователь провалился в овраг, самым неудачным образом засыпанный сверху хворостом, сучьями и палюю листвою, и теперь в раздражении ворочался там. Жеаль тотчас осветил дыру, а субкомиссар помог Альгиусу выбраться. Прежде всего толкователь проверил, цел ли Колокол, и лишь после этого спустился вниз – осмотреть, куда это он сверзился столь злосчастно.

Зрелище открылось преотвратное дно оврага сплошь усеивали человеческие кости – одни чистые, другие – с прилипшими ошметками гниющей плоти, попадались и почти целые

тела – уже тронутые разложением и покрытые страшными ранами. Были здесь мужчины, женщины и дети; среди костей то ржавел грубо откованный шлем гарда, то желтела игрушечная глиняная свистулька... Тлению радовались жирные белесые черви, пирующие в останках, да мухи, составлявшие им компанию.

– Стало быть, мы идем верно, – молвил Альгиус, отплеываясь: гнилой запах стал таким густым, что набивался в рот и нос, словно речная мошкара по весне. – Не наш ли старинный знакомец упырь прятал здесь свою закуску?

Приятеля поспешили покинуть печальное и жуткое место, но запах смерти еще долго преследовал их.

Огонек, который углядел Альгиус, приближался. Продравшись сквозь переплетения колючего кустарника, затянутые к тому ж плотной паутиною, спутники увидели наконец и источник его – небольшое здание непривычной формы, с плоской крышей и большими окнами без ставен и занавесей. Из них-то и лился непривычно яркий свет; также изнутри доносилась и музыка – дикая, однообразная, состоящая в основном из грохочущих барабанов и тарактелок, словно как у дураков на летнем празднике умалишенных. Жестом повелев друзьям оставаться в укрытии, Бофранк осторожно подобрался к одному из задних окон, миновав по пути небольшую одинокую будку – не иначе, отхожее место, – и заглянул внутрь.

Смуглый, плохо выбритый человек в грязном белом халате и колпаке резал огромным сверкающим ножом мясо на деревянной дощечке. Очевидно, это был повар, равно как само здание – харчевня.

Занимавшийся стряпнею выглядел обыкновенно: ни рогов, ни хвоста, ни когтей Бофранк не приметил. Зато кухня наполнена была блестящей посудой, какой Бофранк сроду не видывал, и огонь на плите горел желто-голубой, непривычный.

Побросав мясо – уж не людское ли?! – в огромный котел с ручками, повар ушел, а Бофранк, прокравшись вдоль стены, заглянул в трапезный зал.

Все там было не так. Мебель – столы и скамьи – казалась ненадежной и хлипкой, камина или очага отнюдь не имелось, на полках расставлены были во множестве бутылки самых прихотливых форм и цветов. Странно, подумал Бофранк, коли харчевня стоит в глуши, надо полагать, близ дороги, то и навещает ее люд небогатый – где же тогда дешевое вино в кувшинах и бочонках?

Вблизи музыка грохотала еще громче, и Бофранк подивился, как люди за столиками могут вкушать пищу под такую какофонию. Источника музыки субкомиссар так и не обнаружил ни одного музыканта, ни механических клавикордов, играющих без человека, в зале не было и в помине. Далее рассматривать убранство странной харчевни Бофранк не стал и поспешил к спутникам, дабы поведать им об увиденном.

– Что ж, стало быть, мы и в самом деле в междумирье, – сказал обречено Альгиус. – Я, признаться, таил смутную надежду, что мы все там же, где были и раньше, а нет. Не думаю, что нам стоит посещать сие место. К тому же и язык, и нравы местные нам неведомы. Идемте дальше – я слышу, как за пазухою дрожит и шевелится Колокол, стало быть, мы на верном пути. К тому же – вот, посмотрите.

Альгиус указал на каменный тонкий столб, врытый в землю поодаль. Сверху к столбу привязаны были то ли веревки, то ли куски толстой проволоки, протянутые к харчевне, а на самом столбе прикреплена была табличка с непонятной надписью, но очень ясным изображением – двумя человеческими костями и черепом – черными на белом фоне и окруженными красною рамкою.

– Да, это – знак, – согласился Бофранк, еще раз убеждаясь в том, что место здесь недоброе.

И они заторопились прочь от странной харчевни и от дикой музыки, сшибая по дороге ногами произраставшие там и сям невиданные грибы с ярко-красными шляпками, усыпанными белыми точками.

Спустя несколько часов пути, направление коему выбирал Альгиус, согласуясь с поведением Деревянного Колокола, субкомиссар понял, что попросту упадет, коли сделает еще шаг. Все бы ничего, но дорога вела сквозь чащи и древесные завалы, и пройденное расстояние никак не было сообразным затраченному времени.

– Давайте отдохнем, – согласился с Бофранком Альгиус.

Они сели, привалившись спинами к древесным стволам. Неподалеку журчал ручей, и Жеаль набрал во флягу воды, оказавшейся весьма дурной по вкусу и запаху, словно бы в ней долго мочили ржавое железо, однако выбирать было не из чего, и Бофранк с отвращением сделал несколько глотков.

Стало почти совсем светло, но густой хвойный лес не давал солнечным лучам проникать вниз. Альгиус посетовал:

– Неплохо бы сейчас выйти вон из тех кустов небольшому кабанчику... Вы как знаете, а я с удовольствием перекусил бы, ибо желудок мой встревожен вместе со всем остальным организмом, а от тревоги нет лучше лечения, чем вино и хороший кусок мяса.

Печальный Проктор Жеаль ничего на то не сказал, а субкомиссар заметил, что вокруг столь мокро, что о костре мечтать не приходится, а есть кабанчика в сыром виде ему не хотелось бы.

Так и сидели в молчании; Бофранка снедали мысли по поводу того, что идут они, словно слепцы. В Колокол, что якобы шевелится за пазухой у Альгиуса, субкомиссар не слишком верил, но это был хоть какой-то указатель. Не оставляло Бофранка и ощущение, что злокозненный упырь следит сейчас за ними из укромного места, выжидая, дабы напасть и умертвить одного за другим. В том, что Шарден Клааке ведает об их присутствии в его вотчине, Бофранк никоим образом не сомневался, оттого держал пистолет наготове.

Однако он ничуть не был уверен в том, что пистолет поможет им, появившись здесь Люциус Фруде.

Вы – любезные избранники гнева моего
Нет никого блаженнее вас, ибо нет никого безрассуднее.

Жюль Буа «Бракосочетание сатаны»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, *в которой мы возвращаемся к истории юного Мальтуса Фолькона и к прегадким каменным карликам*

Сказанное юношей повергло всех присутствующих в оцепенение, ибо мало что могло быть более неожиданным, нежели явление среди ночи в здешней глуши столичного чиновника – да к тому же не сборщика налогов и податей или, к примеру, гражданского фуражира, но представителя Секуративной Палаты.

Первым очнулся кривой рыбак и спросил с некоторым сомнением:

– Но есть ли у хире тому подтверждения, кроме слов?

Юноша порылся в кошеле и продемонстрировал эмалевую бляху, слегка попорченную соленой водой и чуть потрескавшуюся.

– Если угодно, я объясню вам больше, – предложил он, но рыбак лишь поклонился и сказал:

– В сей страшный час вас, должно быть, направил сюда сам господь, хире Фолькон. Вы, верно, сведущи в ратных делах?

– Я всего лишь младший архивариус, и... Юноша запнулся и покраснел, запоздало осознав, как нелепо прозвучал его ничтожный чин в подобной ситуации, но вряд ли здешние жители разбирались в таких вещах, как секуративные чины, да и румянца на щеках его в свете факелов никто не заметил. Столичный чиновник, оказавшийся в городке столь странным образом, представлялся им спасением от напасти, и рыбак не замедлил попросить о помощи:

– Не изволите ли потрудиться о нас, хире Фолькон? Я чрезвычайно опасаюсь, что к утру число жертв вырастет...

– Что ж, до утра я в любом случае останусь в городе... – заметил юноша в смущении. – Покамест же скажу, что вы уже делаете все не так. Что проку, что вы встречаете путников на дороге? Мнится мне, что надобно сделать вот что... Есть в городе большое здание, где уместились бы все дети и женщины?

– Таких зданий несколько, хире, – закивал рыбак. – Это склады, часть из которых пустует, да еще старый арсенал, построенный в ту пору, когда сюда еще заходили военные корабли. Арсенал сложен из камня и совершенно пуст вот уже сколько лет, с той поры как гавань после сотрясения земли обмелела.

– Отлично! – воскликнул юноша. – Скорее соберите в арсенал всех детей и женщин, а мужчины, у кого есть оружие, пусть соберутся вокруг да внимательно смотрят! Насколько я понял, карлики невелики, но проворны, словно крысы; будем же и бороться с ними, как с крысами. Наготовьте побольше факелов – ночь может оказаться длинной, если вообще закончится...

Последние указания Фолькон отдавал, уже приближаясь к городскому центру, небольшой мощеной площади с часовнею посередине. Как ни странно, он и в самом деле хорошо представлял себе, что нужно делать, хотя происходящее казалось ему неким наваждением. Прочитав, пусть и безо всякой системы, множество книг, Фолькон бреди прочих ознакомился и с военными трактатами и теперь полагал уместным применить хоть что-нибудь из знаний на практике.

– Что вы еще знаете о карликах, хире Клеен? – спросил юноша у толстого торговца, семенившего рядом с видом значительным.

– Что они искусны как землекопы и горняки... – отвечал толстяк, явно польщенный неожиданно обнаружившимся знакомством со столь важною персоною, как столичный чинов-

ник-секуратор. – Остальное вам бы спросить у стариков – в них мало кто верил, в карликов-то, а, видать, зря...

Старичок священник куда-то подевался – очевидно, отправился к своему коллеге, брате Элингу. Детей и женщин уже собирали в арсенал, крепкое одноэтажное здание без окон и с одними токмо воротами. Фолькон подумал, что еще лучшею защитой было бы посадить их на корабли, ибо вода всяко удержит карликов, но утлые рыбацкие лодки мало подходили для такой цели, да и море стало беспокойным.

Горожане тем временем вооружались. Распожкаясь через кривого рыбака – а звали его Реенсакер, и был он старшиною рыбацкой артели, – Фолькон велел не брать луков и арбалетов, но отдавать предпочтение топорам, мечам и простым дубинам, ибо небольшое и юркое существо куда проще поразить обычной палкою, нежели арбалетным болтом или стрелою. Для себя он выбрал довольно сносную шпагу – скорее для солидности и привычки ради, нежели как серьезное оружие противу зловредных карликов, – а также топор на длинной рукояти, вроде как у алебарды, но чуть покороче.

Время подошло к полуночи, а карлики никак себя не проявляли. Фолькон как раз отдавал должное горшку овощного супу, когда к нему привели древнего старика, поведавшего, что в молодости он не раз видел каменных карликов в горах и даже прикончил одного; по словам старца выходило, что карлики пребольно кусаются, а помимо того вооружены копьями и мечами, иного же оружия не знают. Хотя, добавил старик, кто знает, что они могли выдумать за прошедшие годы в своих подземных обиталищах.

– Что же заставило их, столько лет не казавших виду, выйти на поверхность и напасть на людей? – спросил в недоумении Фолькон.

– Кто ж их знает, хире, – прошамкал старик. – Не иначе, почуяли какую напасть... Солнце небось тоже неспроста пропало, а, хире? Сколько живу, такого не помню...

Тут юноше припомнились три розы, нетопырь и долгоносик, Третья Книга Марцина Фруде и слова: «А кто поймет, тот восплачет, ибо ничего сделать нельзя». Дорого дал бы Мальтус Фолькон, чтобы сейчас оказаться рядом с субкомиссаром Бофранком, но дело обстояло так, что юноша давно уже не ведал, что происходит в столице. Внезапно ему стало ясно, что и набежавшая столь не вовремя тьма, и появление карликов могут быть напрямую связаны с историей, которую он безуспешно тщился понять вот уже столько времени, с историей, главным участником коей был Хаиме Бофранк.

Однако судьбе было угодно, чтобы нынешняя ночь сделала Мальтуса Фолькона единственной надеждой добрых двух сотен горожан, которым объяснять про Фруде и мрачные пророчества было нельзя, да и не к чему.

Оставалось ждать. Кстати вспомнились и строки стихов, читанных бог весть когда:

Что с нами произойдет
вскоре, в этом году?
Зловещих дел чехарду
принес с собой этот год.
Судьба, что ни день, нам шлет
новых угроз череду.
Что с нами произойдет
вскоре, в этом году?
Пусть явится то, что нас ждет!
Очнуться в раю иль в аду
написано мне на роду?
Новое небо грядет.
Что с нами произойдет?

Тяжело вздохнув, юноша прислонил к стене свое оружие и подумал, что не ведает, какова судьба друзей его, уцелели ли они в морском крушении и чем они заняты в сей момент; кто знает, может быть, им приходится куда как несладко и все его тревожения суть прах в сравнении с выпавшими на их долю!

Наверное, пришло время рассказать немного о злоключениях, выпавших на долю юного Мальтуса Фолькона прежде, чем мы обнаружили его во влекомой осликами повозке на морском побережье.

Когда буря с ужасной силою набросилась на суденышко, на коем с острова Брос-де-Эльде бежали наши герои, юноша упустил из рук весло, тотчас канувшее в пучину вод. Смытый бочонок с водою ударил его по голове, отчего Мальтус Фолькон, слегка оглушенный, рухнул на днище и лежал там в полузабытьи, уставясь в почти черное небо, кое раздирали вспышки молний...

– Смотрите! – услышал он вопль монаха и тотчас узрел, как на лодку катится новая волна – она казалась высотой с Фиолетовый Дом, – вспенившаяся и грозная. Чудовищный удар подбросил лодку едва ли не к самым небесам, юноша не успел уцепиться ни за какую снасть и высоко взлетел над бушующей морской поверхностью. Ясно увидел он под собою разламываемую волнами лодку, своих спутников, яркий росчерк молнии... Обыкновенно такое изображают на гравюрах, посвященных кораблекрушениям и ужасам морских плаваний, но юноша недолго мог созерцать открывшуюся панораму, ибо обрушился в воду, вследствие высоты падения уйдя на изрядную глубину, и забарахтался там с одною лишь мыслью – скорее всплыть наверх и сделать хотя бы глоток воздуха.

Юный Фолькон вовсе не умел плавать и был немало удивлен, когда обнаружил в себе некоторую способность к данному способу передвижения. По крайней мере, утонуть он не утонул, а когда наконец вынырнул, то не обнаружил ни лодки, ни своих несчастных товарищей. Тщетно кричал он и звал, тщетно метался туда и сюда, борясь с волнами, – никто не отозвался, никого не было видно. Однако юноша не спешил зачислять друзей в погибшие, здраво рассудив, что их могло разнести течением достаточно далеко в разные стороны и, вполне вероятно, все они благополучно доберутся до берега, ежели таковой есть неподалеку.

С превеликим трудом Фолькон освободился от тяжелой одежды, оставив на себе лишь то, что обеспечило бы минимум приличий, появившись он на берегу в присутствии людей, – а именно тонкое шелковое белье и пояс, в клапане которого он хранил свою бляху чиновника Секуративной Палаты. Он по-прежнему держался на плаву, колотя руками, как это делают брошенные в воду собаки, но неумение плавать сказывалось, да и силы его были почти на исходе.

Спас юношу, как ни странно, давешний бочонок с водою, столь подлым образом ударивший его по голове. Он выскочил из пучины, словно большой поплавок; воды в нем было не столь много, чтобы бочонок затонул, содержащийся внутри воздух обеспечивал отличную плавучесть, и Фолькон с радостью вцепился в кожаные ремни, оплетавшие бочонок поверх кованых обручей.

Теперь юноша мог отдохнуть и оценить свое положение. Особенно подбодрило его то, что в бочонке имелся некоторый запас питьевой воды: Фолькону было ведомо, что от жажды человек гибнет не в пример скорее, нежели от голода.

Направления, в котором находится берег, Фолькон не ведал и счел за благо дожидаться окончания бури, заметно к тому времени ослабевшей, дабы на спокойной воде осмотреться. Он помнил, как над лодкою появилась стая птиц и как Альгиус сказал, что это означает приближение суши. Какова же была радость юноши, когда небо просветлело, выглянуло солнце

и совсем недалеко он увидел изломанные скальные вершины, корявые деревья, приникшие к ним, и – о чудо! – небольшую парусную лодку, шедшую вдоль берега.

Фолькон принялся вопить что было сил и спустя некоторое время уже сидел на куче мокрых сетей, а двое рыбаков угощали его прескверным вином и спрашивали, как достойный хире оказался среди морских волн. Юноша поведал, что был смыт волною с почтового судна, – сия ложь, рассудил он, никому не помеха и не грех, рассказывать же истинное положение дел простым рыбакам вряд ли стоило. В ответ спасители Фолькона сказали, что высадят его в Гахе, деревушке к северо-западу от мыса Гильферд. Кто знает, плыви они в иное место – к примеру, в Кельфсваме, – не встретился ли бы тогда юноша с Бофранком и Альгиусом Дивором? Однако все сложилось так, как сложилось, к тому ж в Гахе Фолькона свалила неожиданная лихорадка, и, промаявшись ею много дней, немного окрепнув после и отдохнув, только тогда Мальтус отправился домой на повозке доброго фрате Стее, запряженной двумя неторопливыми осликами.

Что случилось дальше – то нам уже ведомо.

Что же случится потом – не ведает никто.

Поскольку здравый смысл всегда заставлял меня подозревать изрядную пустоту во всем том, что они именуют тайными науками, я никогда не отваживался заглядывать в подобные книги.

Монфокон де Вийяр «Граф Габалис или Нелепые тайны каббалистов и розенкрейцеров»

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой жилище Хаиме Бофранка,
покамест хозяина нет дома, наполняется
все новыми и новыми людьми, к тому же не
отличающимися особым меж собою дружелюбием.

Хире Базилиус Кнерц, принципиал-ритор в отставке, сидел в уютной, хотя и маленькой кухне хозяйки Бофранка и кушал отменную яичницу с жареной морковью, зеленью и пряностями, запивая ее легким белым вином.

Сама хозяйка, забившись в уголок, взирала на старичка со смесью почтения и боязни, однако же усердно отвечала на его многочисленные вопросы. Гостя между тем интересовало абсолютно все рыночные цены на соль и пряности, часто ли бывал этим летом в здешних местах дождь и часто ли град, какой высоты будут строить колокольню при храме Святого Пикара, продают ли еще рыбаки в своих рядах рыбу-молнию и по какой цене, хороший ли человек нынешний государственный казначей (на сей крамольный вопрос хозяйка убоялась отвечать вовсе, но Кнерц, казалось, и не дожидался ответа, рассуждая скорее сам с собою и заключив свои рассуждения выводом, что казначей, верно, дурной человек) и, наконец, в добром ли здравии был господин Бофранк перед тем, как пропал невесть куда нынешней бесконечной ночью.

– Хире Бофранк был в здравии добром и в последний день собирался на свадьбу хире Жеаля, своего приятеля... – отвечала хозяйка. – До того и в самом деле хворал, и преизрядно, но все обошлось.

– Хире Жеаля, вы говорите? – переспросил старичок. – А где живет сей приятель хире Бофранка?

Хозяйка уже взялась было объяснять, хотя имела об этом самое отдаленное представление, но тут в дверь как раз постучали.

Кнерц насторожился, отложил вилку и взял свою смертоносную тросточку.

– Вы ждете кого-то? – спросил он.

– Может быть, это хире Бофранк вернулся?

– Может, и так. Пойдемте же посмотрим, но осторожнее, милая хириэль, осторожнее...

Однако это был не Бофранк. На ступенях стояли двое, и хозяйка приподняла светильник, чтобы получше разглядеть их.

– Вы, верно, ошиблись домом? – спросил Кнерц довольно грубо.

– Нет, если здесь живет хире Бофранк.

– Его нет, – сказал Кнерц, собираясь закрыть дверь, но один из прибывших – молодой человек вида вполне приличного и вызывающего доверие – остановил его словами:

– Я знаю вас, хире Кнерц. А вы, верно, знаете меня.

– Не уверен, – объявил старичок в некотором, впрочем, сомнении.

– Меня зовут Рос Патс, супруг Гаусберты Патс.

– О! – воскликнул старик. – Прошу меня простить, хире Патс... В самом деле, теперь я припоминаю... я видел вас мельком, потому прошу простить... Но кто это с вами?

– Сейчас ты это увидишь, раздуватель мехов, не то, боюсь, ненароком проткнешь меня своим кривым вертелом, – прошамкал ехидный голос, и второй из прибывших, доселе скрывавший лицо под капюшоном чересчур теплого для нынешней погоды плаща, явил его собравшимся.

Вид его был мерзок и никак не сочетался ни с благообразным Кнерцем, ни с достойным молодым человеком. Грязные космы, омерзительный беззубый рот, источавший слюну, стекавшую по сальной бороде, гноящиеся глазки... к тому же веяло от старого страхолюда козлиным духом, словно он спал в стойле на скотном дворе.

Но Кнерц узнал и его.

– Бальдунг, – пробормотал он, убирая трость за спину. – Не чаял увидеть тебя здесь.

– Кто эти люди, хире Кнерц? – спросила растерянная хозяйка у единственного из присутствовавших, кто внушал ей доверие хотя бы тем, что желал спасти от страшного мертвеца.

– Друзья хире Бофранка. И я полагаю, лучше будет впустить их.

В коридоре Рос Патс наткнулся на тело покойного слуги Бофранка и спросил, морщась:

– Что это?

– Незванный гость, – сказал Кнерц. – Ходячий покойник, поджидавший нас в комнате хире Бофранка. А если учесть, что я, покуда добрался, видел на улице еще четверых, все ведет к одному: пророчество исполняется. Сам же хире Бофранк отсутствует. Как сказала милая хириэль, рано утром он ушел куда-то с друзьями. Знать бы, куда и с кем...

– Проходите уж в комнату хире Бофранка, коли так, – вздохнув, сказала хозяйка. – Ежели что, я буду на кухне...

– Принесите немного вина и что-нибудь из еды, хириэль, – попросил Патс. – Я вам заплачу.

На столе в комнате Бофранка появились вино, сыр, ветчина и соленые овощи, после чего хозяйка удалилась, а Рос Патс спросил:

– Насколько я понимаю, вы знаете друг друга?

– Некоторым образом, – буркнул Кнерц. – Но когда ваша супруга, хире Патс, просила меня приехать сюда, она не упоминала о возможности лицезреть хире Бальдунга. Только некоторые обязательства, кои имею я перед дражайшим отцом хириэль Гаусберты, толкнули меня на это опаснейшее и, не сомневаюсь, бессмысленное путешествие из Гвальве.

– Вот ведь! – каркнул нюклиет, размазывая прямо пальцами мягкий сыр по куску хлеба. – Давненько никто не называл меня «хире», и от кого я слышу это? От дряхлого раздувателя мехов, который всю жизнь тщится превратить камни и песок в рубины и злато.

– Вы алхимик? – удивленно спросил Патс. – Я полагал, вы ученый...

– И вы туда же! – обиделся старичок. – Алхимик, таким образом, нисколько не ученый? Извольте, а кто же тогда этот вонючий окорок, что сидит рядом с вами, набивая пасть едою? Или его бессмысленные причитания, рассчитанные на наивных глупцов, кажутся вам наукою? У алхимика же, коли вам неведомо, есть свой кодекс, каковой мы исправно соблюдаем.

– Алхимик должен быть молчалив и осторожен? – хихикнув, спросил Бальдунг.

– Именно так, мой дурнопахнущий друг! Он не должен никому открывать результатов своих операций. Ему следует жить в уединении, вдали от людей. Пусть в его доме будут две или три комнаты, предназначенные только для работы. Ему следует выбирать правильный час для своих операций. Он должен быть терпелив и настойчив. Пусть он действует в согласии с правилами: тритурация – растирание в порошок, сублимация – возгонка, фиксация – закрепление, кальцинация – прокаливание, дистилляция – перегонка и коагуляция – сгущение. Пусть использует он только стеклянные сосуды или глазурованную глиняную посуду. Он должен быть достаточно богат, чтобы покрывать расходы на такую работу. И, наконец, да избегает он всяких сношений с князьями и правителями.

Произнося это, старичок даже привстал с кресла; закончив речь, он гордо осмотрелся по сторонам и не без важности сел, негодуяще пыхтя и отдуваясь.

– Слова, слова... – сказал нюклиет, громко чавкая. – Коагуляция и тритурация... «Алхимик не должен никому открывать результатов» – что еще тут сказать? Вы вот покажите мне результаты, ежели вам есть что показать, – вот как скажу я и тебе, Кнерц, и Шлику, и коро-

тышке Палдрусу, коего вы так почитаете невесть за что... Где золото ваше? Где эфирное летание? Где хоть одно достижение, что можно подержать в руках? Ничего нет, кроме ваших безумных трактатов?

– Истинные алхимики не гонятся за мирскими богатствами и почестями. Их настоящая цель – привести человека к совершенству или, по меньшей мере, облагородить его, – с гордостью сказал Кнерц.

– Оставим спор, а то ты зачитаешь нам еще один кодекс или катехизис. Скажи лучше, кого ты видел, когда шел сюда?

– Четверых покойников, кои отнюдь не лежали в своих гробах, как то велено природою и господом, а шастали по темным переулкам, – с неохотою отвечал алхимик. – Здесь я обнаружил еще одного; не удивлюсь, если на улицах их уже десятки и сотни, ибо солнце так и не взошло, а им, как известно, только этого и надо.

– Когда мы ехали сюда, то видели, как горят дома в предместьях, – сказал Патс. – Бог весть, что там происходит. Я страшусь даже подумать об этом: женщины, дети... А ведь это только начало! Странно, что я не вижу армии, гардов...

– Я подозреваю, что этот ваш Бофранк что-то предпринимает, – добавил нюклиет. – И если, как я и думаю, он раздобыл Деревянный Колокол, еще не известно, чем все это кончится. Хотя и мертвецы, и другие напасти назад не завернешь ни при каком исходе...

– Разве, уничтожив Клааке или Фруде, они не остановят проклятия? – ужаснулся Патс.

– Нет – и я надеялся, что ваша благоразумная супруга разъяснила вам это, – сварливо сказал Бальдунг. – Но нам нужно думать о другом... Жаль, что мы опоздали. Застань мы их всех здесь, было бы куда проще.

– Может быть, они еще вернутся? – предположил Патс.

– Постойте! – сказал Кнерц. – Милая хириэль хозяйка сказала, что хире Бофранк навещал своего друга... как бишь его? Жеаль? Не навестить ли и нам его?

– Дайте только мне доесть, ибо никогда не ведаешь, когда еще придется сесть за стол, – буркнул нюклиет, зачавкал пуще прежнего и налил себе вина.

Верно, именно его описал в свое время поэт:

Портрет его есть истина, не ложь.
Таким его содеяла природа.
А кушанья ему не напасешь.
Кто видывал подобного уроды?

По крайней мере, именно эти строки повторял про себя принципиал-ритор в отставке Базилиус Кнерц, созерцая гадкого старца.

Они именуют себя мудрецами, но сами падают в ямы, которые роют для
других.
Луи Фигье

ГЛАВА ШЕСТАЯ, *повествующая о том, как Хаиме Бофранк и его спутники находят-таки логово упыря, и о ловушке, что их там ожидает*

Еще мальчишкою Хаиме Бофранк слышал истории про лесной народец, который, коли вздумает подшутить над человеком, заставит его бессмысленно бродить по кругу. Субкомиссар вспомнил об этом, когда Альгиус, внимательно оглядывая поваленное дерево, сказал в раздумье:

– Кажется мне, мы уж были на сем месте... Верно! Вот и пенек, за коим я справил нужду, а вот и... э-э... бранные доказательства сего. Пожалуй, мы ходим по кругу.

– Что делает господь, если есть он в этом мире? – спросил Проктор Жеаль, словно бы не слушая сетований толкователя, в усталости присевшего у пенька.

– Полагаю, господь тут вовсе иной, нежели у нас, – отвечал Бофранк, – коли он вообще здесь имеется. Насколько я понял – поправьте меня, хире Дивор, если это не так, – сей мир живет по особым законам, ибо это вовсе и не мир как таковой, а так, междумирье.

– Вы правы, хире Бофранк, – согласился Альгиус. – Однако точно сказать не может никто, и тем паче я.

– Иногда думаю я – а не сошли ли мы все с ума? – с печалью спросил Бофранк, словно бы сам у себя. – Ученым ведома таковая разновидность помешательства, когда человек видит то, что невидимо другим. Сидим ли мы здесь под деревьями или же влачим жалкое существование в приюте для душевнобольных, а вся история вокруг – лишь порождение наших больных умов, сговорившихся между собою неведомым образом?

– Безумие начинается там, где замутняется или затемняется отношение человека к истине, – сказал Проктор Жеаль. – Это свидетельство равноденствия, наступившего в отношениях между тщетой ночных фантазмов и небытием суждений дневного света. Однако установить безумие как факт и выделить его из других фактов под силу не столько медицинской науке, сколько сознанию, болезненно восприимчивому к нарушению норм. Именно поэтому преимущество при вынесении вердикта о безумии имеют даже не представители государственной власти, а представители церкви.

– Вопрос в том, когда именно началось сие безумие, – с готовностью поддержал беседу Альгиус. – Коли грейсфрате Баффельт ничего дурного не сказал хире Бофранку о его деяниях, стало быть, как представитель церкви он никакого вердикта не вынес. Однако ж нам не ведомо – а ну как сам грейсфрате часть сего бреда?

– Того не ведаю, но есть у безумия и положительное свойство: оно с его звериной свирепостью предохраняет человека от грозящих ему болезней, благодаря безумию он достигает неуязвимости, сходной с той, какой природа со свойственной ей предусмотрительностью наделила животных. Помешательство в рассудке, возвращая безумца к животному состоянию, тем самым непосредственно вверяет его доброте природы, – продолжал Жеаль.

– И неплохо бы, кабы так, но твои слова, Проктор Жеаль, значили бы нечто, если бы ты точно был не часть бреда, что вокруг нас. А ну как ты, как и грейсфрате, тоже фантом?

– Беседа ваша как нельзя более успокоительна и оптимистична, – в раздражении заметил Бофранк, вставая. – Я всего лишь помыслил вслух, посетовал, а вы уж поспешили устроить философический спор!

– Все так, хире Бофранк, но... Ах, черт меня раздери и всунь мне в зад горящую свечку!

Последние слова толкователь сновидений буквально прокричал, подскочив с места, на коем сидел. С воплями Альгиус принялся ударять себя ладонью по лбу, именую ослом, козлом, прожившей ум старухой, обезьянином и много кем еще. Спутники некоторое время глядели на него в преизрядном изумлении, после чего Бофранк спросил:

– Что с вами, хире Дивор? Не рехнулись ли вы ненароком? Или сие столь своеобразные муки голода?

– Глуп я, глуп, хире Бофранк, – отвечал Альгиус, скорчив прегадкую рожу. – Верно, лучше всего бы дать мне себе самому хорошего пинка под зад, но поскольку я сего не могу исполнить, не сделаете ли вы мне такое одолжение? Нет? Печально... А вы, хире Жеаль? Как, тоже? В таком случае я попробую сделать это сам, и да поможет мне господь, если он сейчас не занят и не спит.

Сказав так, Альгиус подскочил особенно диким образом, пытаясь пяткою ударить себя в область седалища, но не слишком в сем преуспел и упал в листья.

– Недурно было бы объяснить, что все-таки происходит, – пробормотал Проктор Жеаль, взирая на происходящее с превеликим недоумением. – Покамест мне кажется, что наш спутник рехнулся; не связать ли его, Хаиме?

– Помните, я сказал вам, что за пазухой у меня дрожит и шевелится Деревянный Колокол, стало быть, мы на верном пути?

– Помним, – кивнул субкомиссар, не понимая, к чему клонит Альгиус.

– Дурак я, дурак! – воскликнул толкователь и дал себе очередного тумака. – Почтенный Аккамус недаром говорил, что самое очевидное решение вопроса и есть самое верное.

– ...Под именем «бог» теолог понимает бесконечное существо, превосходящее бесконечное множество различных видов вещей; если они существуют одновременно, то оно превосходит всех их, взятых не только в отдельности, но и вместе, – задумчиво сказал Бофранк.

– Что-что? – изумленно воззрился на него Альгиус.

– Покойный Броньолус цитировал мне Аккамуса – правда, не знаю уж, с какой целью, да я и не понял почти что ничего... Однако ж я отвлекся. Что вы хотели нам поведать?

– Да то, что мы с каждым шагом все более удаляемся от логова гнусного упыря и идем совсем уж неведь куда! Помните зловонный овраг, в который я столь неудачно провалился? А теперь рассудите: к чему Клааке пожирать жертвы в одном месте, а обитать вовсе в другом?! Да еще столь далеко от его дверей в наш мир! И после этого я ли не дурак?! Я ли не осел?!

– Но Колокол... – начал было Жеаль, но Альгиус прервал его, визгливо вскричав:

– Колокол?! Колокол лишь предупреждал меня, что мы отдаляемся от места поисков наших! А я-то, скудный умишкой, мнил, что колебания его суть знак приближения к упырю... Поторопимся: надобно еще найти обратную дорогу. А ежели мы ее не найдем, прошу вас, мудрые и почтенные хире, прибейте меня хорошенько!

Но обратную дорогу нашли без особенного труда, так что хорошенько прибивать Альгиуса не пришлось. Миновали странную харчевню, из которой все так же доносилась бесовская музыка; затем подошли к оврагу, непереносимое зловоние которого чувствовалось уже издалека.

– Неужто придется лезть туда? – в ужасе спросил Бофранк.

– Это ли самое гадкое, что вам приходилось делать в жизни? – поднял брови Альгиус. Субкомиссар промолчал, хотя ничего столь же гадкого и в самом деле припомнить не сумел.

Они разворошили листву и хворост, прикрывавшие овраг, и обнаружили довольно широкое отверстие вроде норы, уходившее, казалось, в самую глубь земли.

– Пусть у меня на лбу вырастет ослиный уд, если это не обиталище нашего доброго приятеля, – пробормотал Альгиус. – Если это искупит мою глупость, я готов ползть первым.

– Что нам с того, – проворчал субкомиссар, прикрывая лицо платком, – мы-то будем вдыхать тот же самый воздух... Но что если Клааке там нет?

– Тогда мы подождем его внутри. Думаю, там пещера или что-то подобное, ведь упырь не настолько уж мал.

– А не дожидаться ли его здесь, снаружи? – предложил Жеаль.

– В этом есть смысл, – согласился Бофранк. – Что если мы поступим так вы спуститесь внутрь, а Проктор будет ждать тут, таким образом мы сможем напасть на Клааке с двух сторон одновременно.

– Все бы хорошо, да вот только мы не знаем, где упырь. А ну как он все же внутри? – возразил Альгиус, передавая Жеалю на сохранение Деревянный Колокол, дабы не попортить в подземных поползновениях своих. – Боюсь, что один я с ним не справлюсь... Но если вы настаиваете...

– Нет-нет, вы тоже правы, – поспешил заверить его Бофранк. – Что ж, поступим так: мы с вами спустимся в эту омерзительную дыру, а ты, милый Жеаль, жди здесь. Ежели услышишь пальбу или крики, действуй по своему разумению; если же внутри и в самом деле пусто, мы вернемся и подождем нечисть, укрывшись в кустах.

Сказав так, субкомиссар оборотился к толкователю, но успел увидеть лишь его ноги, исчезавшие во мрачной и зловонной тьме, и поспешил вослед.

Земляной коридор был шириною с бочку наподобие тех, в которых жители Дъеле и Сольмы солят морских раков и зеленую рыбу для продажи. Там и сям свисали корни, осыпались струйки земли, и субкомиссар более всего опасался, что лаз, не снабженный ни крепями, ни упорами, обрушится над ними и похоронит заживо. Впереди пыхтел Альгиус, который, вопреки просьбам Бофранка, наотрез отказался зажигать факел, сказав, что, пока ход прямой и без отвратлений, заблудиться им негде, а смотреть тут вроде как и не на что.

– Хире Дивор! – окликнул его Бофранк в очередной раз.

– Что вам?

– Как вы полагаете, сей лаз прорыл сам Клааке?

– В сие мне мало верится... Скорее я сказал бы, что это огромная кротовая нора, вот только не могу представить я того крота, что ее вырыл.

Нельзя сказать, что данные слова как-то успокоили Бофранка. С отвращением сплюнув набившуюся в рот земляную пыль, он еще живее заработал локтями и коленями и тотчас уткнулся лбом в подошвы башмаков толкователя сновидений.

– Постойте, хире Бофранк! – сказал Альгиус. – Кажется, ход обрывается; сейчас я попробую осмотреться.

Впереди наконец вспыхнул факел, но Бофранк по-прежнему почти ничего не видел, к тому же лаз наполнился едким дымом, вызывавшим обильное слезотечение.

– Что там?! – крикнул субкомиссар.

– Ползите за мною смело – здесь что-то вроде комнаты!

И в самом деле, это оказалась комната. Квадратная, без окон, со стенами, с большим тщанием выложенными из дикого камня так, что меж валунами не было ни щели.

В углу Бофранк увидел ложе из набросанных как попало тряпок, в которых узнал детали одежды – от дамского белья до детских чепчиков и прожженных огнем горнила фартуков мастеровых. Вероятно, упырь собирал свою постель из одежды жертв. Близ ложа валялись обглоданные кости и лежала стопка книг, хотя никакого подобия светильника Бофранк не обнаружил – наверное, упырь мог видеть в темноте безо всякого освещения.

Альгиус тем временем просмотрел книги и заметил:

– Наш приятель не дурак почитать! Как кстати: здесь есть несколько интересных томов, не забыть бы забрать их с собою, как будем уходить.

– Да-да, поспешим наружу! – воскликнул субкомиссар, в волнении озираясь. Душный зловонный воздух подземного обиталища Клааке давил ему на грудь, а стоявшая вокруг тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факела, усиливала это давление. Но как только Бофранк шагнул к черневшему в стене отверстию лаза, дабы поскорее воротиться к ожидавшему их на краю оврага Проктору Жеалю, что-то загрохотало, закрипело и обратный путь заступила решетка из толстых железных прутьев, покрытых ржавчиною: буро-красной, словно засохшая кровь.

То была ночь с ее мраком, то были тень и тишина.
Дени Дидро «Племянник Рамо»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, *в которой в жилище субкомиссара прибывает еще один гость, хотя куда уж еще, а остальные тем временем совершают путешествие по ночному городу в поисках Хаиме Бофранка*

Хозяйка, как могла, объяснила, где находится дом Проктора Жеаля, и пообещала отворять двери лишь в том случае, если Кнерц – ему она до сих пор доверяла более остальных – постучит по-особому, для чего отвела его в сторонку и показала, как именно требуется стучать.

Старичок алхимик уверил ее, что так и поступит, после чего тройца отправилась к Жеалю пешком. Нанять экипаж не стоило и надеяться – улицы были пустынные, лишь в отдалении, в северной части города, слышны были чьи-то беспорядочные крики, да кто-то пробежал сломя голову по мостовой чуть впереди.

– Долго ли еще будет тьма? – спросил Кнерц. – Ведь не навсегда же она.

– В пророчестве сказано, что будут «три дня и три ночи как ночь едина». Стало быть, обождём, а там, может, и рассветет, – сказал Рос Патс.

Еще не так давно город проснулся, как и всегда, но утра не обнаружил; многие занялись привычным ремеслом, полагая, что сие есть неприятный, но не опасный природный катаклизм наподобие солнечного затмения, другие легли спать, рассудив, что как наступит утро, тут и время работать... Но когда начали происходить вещи страшные и непонятные, когда разлагающиеся тела поползли из трупохранилища у реки, когда на крюках у мясников задержались свиные туши и страшно вскричал разрезаемый мертвец под ножом у адьюнкта в анатомическом театре, все бросились спасаться, стремясь укрыться в своих жилищах и не показываться более, пока мир не примет привычного вида.

Посему безлюдные улицы не удивили наших путников, пускай и не знавших в деталях всех предшествующих событий. Противу ожидания, никто не бросался на них из темных подворотен, да и мертвец встретился лишь один: он полз через дорогу, судорожно кривляясь и дергаясь. Патс хотел было ударить его выдернутой из забора палкою, но Бальдунг велел не отвлекаться, сказав, что мертвец довольно безобиден и не стоит тратить на него времени.

Что вызывало куда большее удивление, так это количество кошек. Зверьки эти появлялись отовсюду, восседали на заборах, на ветвях деревьев, выглядывали из-под оставленных у парапета набережной повозок, пробегали туда-сюда с видом столь деловитым, что не сыщешь у иного судейского. Старичок Кнерц отметил это, однако нюклиет не сказал в ответ ничего, а молодой Патс лишь улыбнулся.

– Кошка – животное скорее дружественное, нежели вредное, – сказал он.

– Позвольте, но не кошка ли всегда была верным спутником и соратником дьявола? – возразил Кнерц с видом знатока.

– Тогда как объясните вы сие? – спросил молодой человек, указывая на мертвеца, что, шатаясь, выбрел из темного проулка. Что это именно мертвец, было видно сразу – тело истлело так, что челюсть вовсе отпала, а волосы и кожа с лица слезли и висели безобразными клочьями. Но привлекло внимание Патса вовсе не это, а с полдюжины кошек, увлеченно набросившихся на нежить и терзавших ее со всех сторон. Мертвец никак не реагировал на их укусы и когти, но кошки не оставляли своего занятия, более того, все больше их набрасывалось на страшилище, пока наконец своим весом они не повалили его наземь.

Алхимик ничего не ответил, к тому же совсем скоро они добрались до дома Проктора Жеаля. Стучать в двери и дергать шнурок звонка пришлось, напротив, довольно долго, пока не

появился сонный слуга и не сказал, что младшего хире Жеалю дома нет, а старший почивает, ибо чрезвычайно неможен после страшной смерти возлюбленной своего сына.

Сия история оказалась неизвестной прибывшим, и слуга, получив несколько монет, тут же поведал ее самым красочным образом, заламывая притом руки и делая жуткие глаза. Когда же дверь закрылась, опечаленный Патс промолвил:

– Кажется, мне ведомо, куда они отправились. После описанных событий...

– Куда же? – спросил Кнерц.

– Нет-нет... еще рано об этом. Лучше всего нам вернуться домой к хире Бофранку и ждать.

– Чего?

– Возвращения этого вашего Бофранка, чего же еще, – сварливо произнес Бальдунг. – Если он вернется и если он не наделал глупостей. Похоже, пророчество-то оказалось правильным! Люциус Фруде – или Марцин Фруде, как кому угодно, – не обманывал, когда говорил, что его вера единственно истинная. Где же бог, хотел бы я знать? Где епископы?

– Оставим этот спор, ибо он бесполезен, – оборвал нюклиета Рос Патс. – Хочу сказать об ином: не кажется ли вам, что зловещее пророчество о мертвецах, кои восстанут, оказалось на деле не таким уж страшным? Я вижу, что восстанут лишь те мертвецы, что не были захоронены; прочие же, вполне возможно, ворочаются и бьются в своих гробах и склепах, но выбраться наружу просто не могут, да и как может двигаться скелет, не облеченный мышечной плотью? Не будем оставлять надежды, что и другие пророчества Люциуса окажутся не столь устрашающими. В противном случае нам ничего не поделать, даже коли вернется хире Бофранк со своим Колоколом.

– Может быть, пришло время обратиться к грейсфрате Баффельту? – робко спросил Базилиус Кнерц, ковыряя тросточкою мостовую.

Старичок выглядел несколько напуганным и растерянным, к тому же встреча с нюклиетом Бальдунгом отнюдь не добавила ему уверенности в себе. К сожалению, молодой Патс не имел понятия о том, что Бальдунг и Кнерц знавали друг друга в былые времена и, как выяснилось, были даже непримиримыми противниками. Тем не менее поправить он ничего не мог и оставалось лишь не давать старикам ссориться да спорить по мелочам, не имеющим отношения к печальным событиям реальности.

– К Баффельту обращаться мы не станем уже хотя бы потому, что грейсфрате недостижим. Он не хуже нас знает, что несет пророчество Третьей Книги, и посему мог спрятаться в одном из наиболее укрепленных монастырей, а мог покинуть столицу морем или сушею, – пояснил молодой человек. – Меня куда более волнует отсутствие патрулей и бездействие армии. Пресветлый король давно должен был вывести их на улицы для обеспечения порядка и спокойствия... Да и горожан не видно – попрятались, наверное, по домам и молятся в ожидании конца света.

Словно опровергая слова Патса, послышался цокот копыт и мимо проскакал небольшой отряд конных латников, настроенных, судя по воздетым пикам, весьма решительно.

– Вот видите, все налаживается, – сказал с облегчением Кнерц.

– Кто пригодился бы нам, так это старый Фог, – пробормотал нюклиет, не обратив внимания на слова старичка принципиал-ритора. – Да и ваша супруга прихлясь бы ко времени, молодой хире. Лучше бы Держаться нам вместе; кто знает, что случится через миг.

– Гаусберта прибудет сюда очень скоро, – сказал Патс – Я надеюсь, она уже завершила расшифровку некоторых трудов, что я привез ей; как только все станет ясно, она приедет к хире Бофранку, посему лучше всего нам ожидать ее там.

Молодой человек не мог знать, что, едва они отошли от дома Хаиме Бофранка, как к нему подъехала небольшая крытая повозка, запряженная одной лошадью. Из повозки выбрался тучный человек в одежде священника и постучал в двери посохом.

Хозяйка, которая ожидала условного стука, назначенного стареньким принципиал-ритором в отставке, отворять не стала, но выглянула в окно второго этажа, осветив вновь прибывшего лампой.

– Хириэль! – воскликнул священник, заметив ее толстое лицо. – Скажите, это ли дом, в котором проживает хире Бофранк, чиновник Секуративной Палаты?

– Да, фрате, вы правильно приехали, – отвечала хозяйка, которая успокоилась, увидев священнослужителя. – Но хире Бофранка нет дома!

– Могу ли я обождать его? – спросил священник, едва удерживая лошадь, выказывавшую немалое беспокойство. – Дело в том, что я – родной брат хире Бофранка, аббат Тристан Бофранк!

– Кажется, хире Бофранк рассказывал о вас, фрате, – сказала хозяйка. – Обождите, я спущусь и открою дверь. Лошадь привяжите к коновязи у крыльца.

Тристан Бофранк только было собрался это сделать, как животное встало на дыбы, вырвало у него вожжи и рвануло прочь, увлекая за собой грохочущую повозку. Махнув рукою, священник дождался, когда хозяйка откроет дверь, и вошел внутрь.

– Где же ваша лошадь, фрате? – в изумлении спросила хозяйка.

– Испугалась и ускакала вместе с повозкою.

– Неудивительно – видите, что творится у нас в столице? Как же вам теперь найти ее?

– Оставим это, – махнул рукою Тристан. – Думаю, привяжи я лошадь к коновязи, она была бы в меньшей безопасности, нежели предоставленная самой себе.

– И то верно; однако ж вы, верно, издалека; скажите, то же самое происходит и у вас?

– Боюсь опечалить вас, хириэль, но кажется мне, что весь мир погрузился во мрак, и сие есть кара господня за неразумные деяния наши, – скорбным тоном отвечал Тристан Бофранк. – Могу ли войти я в комнату брата моего, дабы дождаться его там?

– Вот ведь... – сказала хозяйка, освещая ему путь. – Уже несколько человек спрашивали сегодня хире Бофранка! Вы, коли не ошибаюсь, будете четвертый.

– Кто же еще искал брата? – спросил аббат, стараясь не выказать особенного любопытства. Но хозяйка, и не дожидаясь вопроса, тут же поведала:

– Вначале пришел старичок – весьма милый, учтивый, прилично воспитанный. Затем – сразу двое: молодой человек, который мне также показался очень приятным и образованным, а с ним мерзкий старик, грязный и страшный, коего я не пустила бы в дом, не будь с ним достойного провожатого; коли вы хорошенько примножаетесь, то еще учуете вонь, оставшуюся после него. Откушав, они отправились искать хире Бофранка – который уехал совсем рано и не сказал мне, куда именно, – к его другу, хире Жеалю. Если вам угодно, я могу указать, как найти его дом.

– Не стоит, хириэль. Я, пожалуй, подожду здесь, ибо устал после долгой дороги и всяческих лишений... Отоприте мне комнату брата, я буду ждать там. Но отчего здесь, помимо старческой вонь, столь омерзительно пахнет гарью?

– О, это еще одна ужасная история сегодняшнего утра, фрате Бофранк. Поверите ли, из комнаты вашего брата выскочил мертвый его слуга и набросился на меня, желая растерзать! Слава господу, я ударила его лампой, и пролившееся масло обожгло его до смерти.

– Неверно тут говорить «до смерти», коль уж он и без того был мертв, – наставительно сказал Тристан. Когда они вошли в комнату Хаиме Бофранка, аббат попросил немного горячего чаю с белыми сухариками, и хозяйка удалилась.

Аббат меж тем сноровисто обшарил полки, ящики стола и обнаружил на камине забытый Бофранком конверт. Вынув оттуда письмо, он поднес его к пламени свечи и прочитал шепотом, шевеля толстыми губами:

«Любезный наш хире Бофранк!

Получив ваше письмо, уверились мы, что события складываются самым дурным образом. Предначертания, кои известны вам от нас, несут за собою последствия непоправимые. С тем чтобы стать подмогою в вашей многотрудной борьбе, я, Рос Патс, отправляюсь сегодня в некое место, где тшусь изыскать известного вам Бальдунга. Силы его ограничены, но никого другого поблизости не сыскать, а всякое промедление играет на руку врагам нашим».

– Вот кто сей гнусный старик, – пробормотал себе под нос аббат. – Мнится мне, миссия моя может усложниться.

«Я же, Гаусберта Патс, – продолжал он читать далее, – останусь в поселке и займусь расшифровкой некоторых трудов, которые могут оказаться полезными. Сие займет не день и не два, но как только все будет закончено, я прибуду в столицу и надеюсь застать вас в обычном месте проживания вашего».

– Не хватало еще и этого! – возмутился Тристан. – Остается надеяться, что мерзкая колдунья не успеет...

«Из того, что мне уже известно, сообщаю наиглавнейшее: пребываю в надеждах, что поверженный вами враг еще не скоро вернется в мир людской, но тем не менее знайте, что искать его надо в местах, где в земле – кровь.

И еще одно. Надеюсь, что подарок, оставленный мною, вы покамест не использовали. Если же использовали, знайте, что делать сие в вашем состоянии и положении можно не более трех раз. Не стану описывать, чем может обернуться злоупотребление, но прошу поверить мне на слово, ибо никогда не желала вам зла».

– Что еще за подарок она подсунула моему братцу? – спросил сам у себя аббат. – Верно, какую-нибудь богомерзкую пакость, что еще ожидать от нее...

«Напоследок о главном. Будьте осторожнее с чревоугодником! Слова его словно мед, честность его напоказ, но в мыслях его нет добра к вам!

С почтением, Рос и Гаусберта Патс».

– Что же за подарок? – повторил аббат, пряча письмо обратно в конверт. – Вот с кем знается мой безумный брат – для чего ему это?! Чревоугодник... кто есть сей? Не я ли снова? Ах, грешен я, грешен... Благодарю вас, хириэль!

Последние слова обращены были уже к хозяйке, принесшей чай и блюдо с сухариками и печеньем и не обратившей внимания на письмо, что Тристан держал в руке. Сделав несколько глотков, аббат спросил у женщины, которая не спешила удалиться:

– Скажите, хириэль, не оставил ли мой брат для меня записки или устного послания?

– Хире Бофранк не оставил, но оставил его приятель, премилый старичок по имени Базилиус Кнерц, – отвечала хозяйка без какой-либо задней мысли. – Будь вы чужой человек, я, верно, не сказала бы вам об этом, но коли вы родной брат хире Бофранка...

Сказав так, она подала аббату записку Кнерца. Возблагодарив бога, что обстоятельства пока что складываются столь удачно, Тристан прочел и ее, на сей раз про себя. Хозяйка дождалась, пока он закончит, и спросила в волнении:

– Не разъясните ли, фрате Бофранк, что сие означает?

– Так вы прочли записку? – с возмущением воскликнул аббат.

– Был грех... Но зачем же пишет хире Кнерц, что вы, дескать, вовсе не то, что о вас разумеет хире Бофранк?

Тристан тотчас понял, что женщина чрезвычайно глупа, коли у него самого о таком спрашивает, и поспешил успокоить ее:

– Грех в том, что вы прочли письмо, не велик, ибо кто из нас порою не любопытен; что же до упомянутых строк, то мне неизвестен хире Кнерц и я не могу судить, зачем он обо мне так пишет, хотя вижу, что пишет вздор. Кстати, благодарю вас – печенье ваше превкусное, хириэль.

В рассеянности оставив аббату и второе письмо, хозяйка удалилась к себе, а Тристан Бофранк еще раз обыскал те места, до которых не добрался прежде, ничего более не обнаружил и уселся в кресло, дабы поразмыслить, как вести себя в будущем. Он не опасался Кнерца, ибо ведал, что старичок не может знать его в лицо, как не могут знать и остальные, кроме разве отсутствующей здесь Гаусберты, посему аббат был уверен, что исполнит данное ему поручение со всем возможным тщанием.

Мне колебанья не к лицу,
Я смерть считаю высшим благом
И подвигаюсь шаг за шагом
Вперед, к счастливому концу.

Теодор Агриппа д'Обинье «Преисполненная высокомерия ода»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, *скорбная, в которой Хаиме Бофранк и Альгиус Дивор отважно сражаются со злокозненным упырем*

– Новая напасть! – воскликнул Альгиус. Он пнул решетку ногою, но лишь ушибся и с ругательствами отскочил прочь.

– Нашей глупости поистине нет пределов, – сказал печальный Бофранк. – Что делать, хире Дивор? Что можем мы предпринять?

– Попробуйте выстрелить. Хотя, даже если Жеаль услышит выстрел – а ведь лаз довольно длинен! – это не значит, что он сумеет открыть решетку с той стороны.

– Посему я не буду тратить заряд, – рассудил Бофранк.

– Но что мы можем сделать еще?

Они попробовали вдвоем, вцепившись в прутья, приподнять решетку, но тщетно – скрытый в стене механизм не позволял сделать этого.

– Хире Клааке ждет роскошный обед, – только и сказал на это толкователь, после чего принялся перебирать книги, но вдруг встрепенулся и спросил: – А не применить ли вам, хире Бофранк, тот таинственный способ, что спас всех нас из темницы на острове Брос-де-Эльде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.